

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Ополев П.В. Концепция «переплетённости» в ракурсе философской позиции А. Ноэ // Философская мысль. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.6.74374 EDN: GNUTVR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74374

Концепция «переплетённости» в ракурсе философской позиции А. Ноэ

Ополев Павел Валерьевич

ORCID: 0000-0001-8313-0975

кандидат философских наук

доцент; кафедра История философии и социальные коммуникации; Омский государственный технический университет

644080, Россия, г. Омск, ул. Проспект Мира, 81

✉ pvo-sinergetica@rambler.ru

[Статья из рубрики "Философия и искусство"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.6.74374

EDN:

GNUTVR

Дата направления статьи в редакцию:

08-05-2025

Аннотация: Предметом исследования статьи является концепция «переплетённости» (entanglement), представленная в работе современного зарубежного философа А. Ноэ «Всё переплетено. Как искусство и философия делают нас такими, какие мы есть». В настоящее время в рамках отечественной философии данная работа п. А. Ноэ не получила достаточного осмыслиения, что делает актуальными реконструкцию и рефлексию представленной в книге авторской позиции. В работе намечается философский потенциал категории «переплетённость», анализируются её онтологический и эпистемологический аспекты. Логика работы предполагает рецепцию философской позиции А. Ноэ и её компаративистский анализ, сравнение с философскими направлениями, сложившимися в рамках «новых онтологий». Идеи А. Ноэ сопоставляются с концепцией «тентакулярности» Д. Харауэй, а также с объектно-ориентированной онтологией. Отдельное внимание в статье уделяется анализу роли искусства и философии как «реорганизующих практик». Методология исследования,

представленного в статье, строится на использовании системного иialectического подходов, что позволяет зафиксировать особенности и противоречия в представленной концепции «переплетённости». Системный подход раскрывает «переплетённость» как многоуровневую структуру взаимосвязанных элементов (биологических, технологических, культурных). Iialectический подход дополняет этот анализ, выявляя внутренние противоречия в осуществлении и познании «переплетенности». Автор приходит к выводу, что А. Ноэ трактует понятие «переплетенность» как эпистемологический и эстетический феномен. Факт «переплетения» в интерпретации А. Ноэ выходит за границы утверждений, что всё «связано» или «детерминировано». В статье отмечается, что, несмотря на недостатки (отсутствие концептуальной ясности, метафоричность и эклектичность), концепция «переплетённости» А. Ноэ обладает эвристическим потенциалом для описания многообразия отношений человека и мира, особенностей эстетического опыта как универсальной оптики познания. Концепция «переплетённости» А. Ноэ не стремится принять форму законченной философии, политического манифеста или основания для экологического дискурса, она избегает крайностей нового материализма и объектно-ориентированного подхода, предлагая сбалансированную позицию, в которой понятие «переплетённость» становится основой для критики антропоцентризма при сохранении особой роли человека как деятельного субъекта. Философия и искусство в концепции А. Ноэ оказываются не только практиками реорганизации нашего опыта, но и оптикой познания «переплетённости».

Ключевые слова:

антропоцентризм, новые онтологии, переплетение, реорганизация, симбиоз, тентакулярность, искусство, философия сложности, эстетика, энактивизм

Жизнь человека и человечества, обращённая к многообразию, оказывается организованной и структурированной, представляя собой объективную взаимосвязь множества факторов. В архаичных, традиционных обществах природные циклы задавали ритм человеческой жизни, выступая своеобразным универсальным каркасом, организующим человеческую деятельность как в экономическом, так и в социокультурном плане. Особенность жизни современного человека, оказывается связанный не только с природными, но и со сложными социотехническими системами. Технологии, цифровые платформы, рыночная экономика и урбанизированная среда навязывают нам свои ритмы и организационные рамки, заставляя человека подстраиваться под логику машин, алгоритмов и экономической эффективности. В этом смысле человеческая деятельность во все времена оказывается «скована» разного рода правилами как естественными, так и искусственными.

Потребность в порядке и организации имеет выраженную эволюционную направленность: организмы, способные к саморегуляции, поддержанию своей идентичности – аутопоэзису (в терминологии У. Матураны и Ф. Варела), получают объективные конкурентные преимущества. Когнитивные процессы, архитектура нашего мышления, в свою очередь, также основаны на систематизации и структурировании информации, создании категорий и паттернов, упорядочивающих и организующих наше познание и деятельность. Вместе с тем наряду с организующей деятельностью существуют и практики дезорганизации. По мысли А. А. Богданова: «Всякая человеческая деятельность объективно является организующей или дезорганизующей. Это значит: всякую человеческую деятельность – техническую, общественную,

познавательную, художественную – можно рассматривать как некоторый материал организационного опыта и исследовать с организационной точки зрения» [\[1, с. 69\]](#). Организация (целое, система, комплекс) рассматривается А. А. Богдановым как непрерывная процессуальность, становление. В дальнейшем это суждение нашло свое концептуальное обоснование в рамках философской и общенаучной традиции (например, в рамках системного подхода, кибернетики и синергетики).

Мысль о том, что наша жизнь «переплетена» и системно организована, не является новой. В той или иной форме эта мысль звучала на всём протяжении историко-философской и научной мысли. Философы во все времена предлагали нам разнообразные концептуальные рамки, посредством которых предлагалось осмыслять и структурировать действительность. Вместе с тем философия не просто принимает существующие структуры как данность, но и подвергает их сомнению, реорганизует мир через рефлексию. При этом сомнение может быть обращено как к бытию, так и к познанию. Здесь возникают такие важные философские вопросы как: существует ли мир за пределами нашего познания и можем ли мы его достоверно познать и т. д? Сомнение можно рассматривать в качестве конструктивного способа реорганизации наших представлений.

Значимую попытку обратиться к изучению философии и искусства как способов реорганизации наших представлений мы находим в работе «Всё переплетено». Как искусство и философия делают нас такими, какие мы есть» современного американского философа А. Ноэ. На английском языке книга А. Ноэ называется «The Entanglement: How Art and Philosophy Make Us What We Are». Обращает на себя внимание особенность перевода слова «entanglement» на русский язык. В словарных изданиях по английскому оно чаще всего переводится как «запутанность» [\[2, с. 770\]](#). Слово «entanglement» отражает тесную взаимосвязь, которая принимает форму единства. «Переплетение» в английском языке обозначается словом «interlacement» [\[2, с. 882\]](#), которое предполагает взаимное расположение элементов, которые взаимосвязаны, пересекаются или перекрываются, но могут быть легко разделены. Можно сказать, «interlacement» – это упорядоченная связь, а «entanglement» – сложное, хаотичное смешение, которое невозможно однозначно разделить. Автор не хочет нас запутать, скорее, показать, что факт «переплетённости» нам следует принять как неизбежный, до конца не артикулируемый. Как замечает сам А. Ноэ: «Мы переплетены и сами являемся продуктом этого переплетения» [\[3, с. 15\]](#).

Здесь закономерно возникает вопрос: «переплетённость» – это способ бытия действительности или же способ, которым она нам открывается? Иначе говоря, искомое понятие это – факт онтологический или эпистемологический? На этот вопрос А. Ноэ не отвечает однозначно. В рамках предлагаемого подхода автор делает акцент на том, что способ, которым нам открывается, организуется действительность, и есть способ её бытия. При этом он не считает, что мира за пределами нашего опыта не существует. В этом смысле тезисы «мы организованы» и «мы переплетены» (которые являются лейтмотивом всей книги) могут трактоваться и в онтологическом, и в эпистемологическом ключе.

Обращает внимание, что представленные в работе А. Ноэ философские взгляды коррелируют с концепциями нового материализма (Д. Харауэй) и объектно-ориентированной онтологией (Г. Харман, Л. Брайант, Т. Мортон) (ОО). В виду этого считаем целесообразным осуществлять реконструкцию концепции А. Ноэ через обращение к философской позиции, сложившейся в рамках данных течений.

Обоснованность такого рода методологического ракурса, по нашему мнению, усиливается некоторыми обстоятельствами. Во-первых, философская позиция А. Ноэ слабо вписывается в картезианский дуализм субъекта и объекта, лежащий в основе классической метафизики, и вместо этого предлагает модель взаимопроникновения человеческого и нечеловеческого, где агентность распределена между людьми, технологиями и окружающей средой. Во-вторых, в отличие от классической философии, сосредоточенной на трансцендентальном субъекте или объективной реальности «самой по себе», концепция А. Ноэ исходит из энактивистской позиции, акцентирует внимание на процессуальности и взаимозависимость всех элементов системы, чтоозвучно новому материализму с его вниманием к гибридным сетям акторов. В-третьих, если классическая философия склонна к иерархическим оппозициям (природное-культурное, материальное-идеальное и т.д.), то концепт «переплетённости» отчасти разделяет с ООО идею онтологического эгалитаризма, где люди, артефакты и абстрактные сущности взаимодействуют как равноправные участники. В-четвёртых, философский взгляд А. Ноэ, подобно новым онтологиям, трактует познание как перформативный акт «со-творения» мира, где сам процесс восприятия (например, в рамках эстетического опыта) становится частью онтологии. Таким образом, нам представляется, что диалог с новыми онтологиями позволяет полнее раскрыть потенциал философской концепции А. Ноэ. При всем при этом анализ философской позиции А. Ноэ в контексте классической историко-философской традиции также видится целесообразным, но заслуживает отдельной работы.

В рамках работы «Оставаясь со смутой: заводить сородичей в хтулуцене» Д. Харауэй вводит понятия «тентакулярность» и «тентакулярное мышление» [4, с. 52]. Тентакулярность рассматривается как витальное начало сущего, которое охватывает связи двух и более структурно гетерогенных существ. Понятие «тентакулярность» используется для описания широкого диапазона явлений – от цепочки примыкающих друг к другу нуклеотидов до взаимосвязи восприятий и жизненных миров. Если классическое мышление стремится к линейности и упорядоченности, то «тентакулярное мышление» – это сеть распределенных связей, где нет центра, а есть множественные взаимодействия. Концепция «тентакулярного мышления», предложенная Д. Харауэй, представляет собой попытку преодолеть классические дуализмы и иерархии за счёт переосмысления способов познания через метафору щупальца (от лат. «tentaculum»). Это мышление, основанное на идеях множественности, нелинейности и взаимосвязанности, противопоставляется традиционному «древовидному» (арборесцентному) подходу, который стремится к жёстким категоризациям и бинарным оппозициям.

В своих работах Д. Харауэй предлагает к использованию «тентакулярный подход», в котором агентность распределена между людьми, животными и технологиями. Например, в работе «Когда виды встречаются» Д. Харауэй подчёркивает взаимозависимость видов, показывает, как собаки и люди совместно конструируют реальность [5, с. 12]. Эта мысль также находит своё отражение в размышлениях представителей ООО. Так, Т. Мортон отмечает, что «bamбуковый лес безжалостно бамбукоформирует ветер, переводя создаваемое им давление в движение и звук» [6, с. 108]. Здесь Т. Мортон отвергает представление о ветре как о единственном активном агенте, который «действует» на пассивный бамбук. Агентность есть у любого объекта (растения, стихии), а реальность в таком случае – это сеть взаимовлияний. Схожую мысль озвучивает Л. Брайант, подмечая, что организмы конструируют свои окружающие среды («зайцы конструируют рысей» [7, с. 205]). В целом, идея «тентакулярности» позволяет рассматривать человека как часть сложной сети, включающей животных, растения, технологии, микроорганизмы

и даже неорганические объекты.

В схожем ключе высказывается М. Мардер в работе «Философия вегетативной жизни», предлагая нам вариант «вегетативной метафизики», «растительного мышления». Как замечает М. Мардер: «Растительность нельзя трактовать лишь как объект, моральный или иной, поскольку она также является агентом, хоть и неактивным, связанным со своим другим (неорганической природой, светом и т. д.)» [\[8, с. 209\]](#). В этом смысле предлагается избегать объективации растений, рассмотрения их с сугубо утилитарной точки зрения (как источника пищи или других ресурсов). По мысли А. Мардера: «Питаться как растение не означает потреблять только неорганические вещества; это означает приветствовать другого, создавать с ним ризому и превращать себя в канал для другого, не попирая и не подавляя его, не пытаясь поглотить саму его инаковость, растворив её в своей телесной и психической интериорности» [\[8, с. 212\]](#).

Тентакулярное мышление не корректно рассматривать исключительно с позиции эпистемологии, поскольку Д. Харауэй рассматривает его как своего рода этику взаимозависимости, политический манифест. В работе «Манифест киборгов» Д. Харауэй пишет: «Мы все – химеры, выдуманные и вымышенные гибриды машины и организма; короче, мы – киборги» [\[9, с. 362\]](#). В рамках своих размышлений Д. Харауэй требует признания агентности нечеловеческих акторов: «Почему наши тела должны заканчиваться кожей или включать в лучшем случае других существ, обтянутых кожей? С XVII в. и по сей день машины могли анимироваться – получить призрачные души, что позволяло им говорить, двигаться, давать отчёт в своих упорядоченных действиях и умственных способностях» [\[9, с. 363\]](#). Можно сказать, что Д. Харауэй предлагает мыслить тело не как замкнутую биологическую единицу, а как гибридную сеть, включающую технологии, микроорганизмы (при этом не только симбиотические). Мы не просто «используем» технику – мы «впускаем» её внутрь наших способов мыслить и действовать, тем самым создавая прочные связи и сцепления. «Сцепления» и «узлы» в контексте тентакулярного мышления представляют собой динамическую систему с обратной связью, место встречи разных акторов (людей, животных, растений, технологий и т. д.).

Терминология А. Ноэ также отражает его стремление к преодолению классических философских дилемм (материальное и идеальное, субъект и объект и т. д.), обоснованию «нового синтеза» природы и культуры, биологической и культурной эволюции [\[3, с. 29\]](#). Обращает внимание, что А. Ноэ также стоит на позиции необходимости переосмысления антропоцентристского подхода и децентрализации нашего мышления. Вместе с тем, А. Ноэ, хоть и подчёркивает органическую связь человека и природы, но всё же избегает крайностей и не растворяет человека в действительности (так, Д. Харауэй говорит о том, что человеческие и нечеловеческие акторы образуют «одну компостную кучу») [\[4, с. 83\]](#). Складывается впечатление, что для А. Ноэ «переплетённость» – скорее, эпистемологический факт, который необходимо рассматривать как возможность для коэволюции, продуктивного сосуществования человека, природы и культуры.

Философская позиция А. Ноэ в некоторых своих положениях также сближается с позицией объектно-ориентированной онтологии. Можно выделить две значимые точки соприкосновения ОOO и концепции А. Ноэ. Идея ОOO о «симбиотических связях» позволяет расширить представления А. Ноэ о способах и формах «переплетения», а представления об эстетике как универсальной оптике познания объекта позволяют

уточнить роль философии и искусства в его познании.

Присущее миру многообразие в контексте ОOO рассматривается через конституирование бытия множества не связанных между собой объектов (Г. Харман), коллективов (Л. Р. Брайант), сеток (Т. Мортон), «разрывов» между объектами и их качествами [\[10, с. 59\]](#). Как замечает Л. Р. Брайант: «Все объекты представляют собой скопления («crowd»). Каждый объект населён другими объектами, поддержкой которых он заручается, чтобы длить своё существование» [\[7, с. 222\]](#). ОOO провозглашает онтологический эгалитаризм, указывает на агентность объектов, тождество человеческих и «нечеловеческих» существ. По мысли Г. Хармана, в западной философии и науке есть две взаимосвязанные деструктивные стратегии познания объекта: «надрыв» и «подрыв». На вопрос о том, что представляет собой та или иная вещь, можно ответить, указав, из чего она сделана («подрыв»), что она делает («надрыв») или и то, и другое («двойной срыв») [\[11, с. 19-21\]](#).

В своих работах Г. Харман подчёркивает, что объекты не сводятся ни к своим частям, ни к своим свойствам. Вместе с тем, в рамках ОOO предлагается выделить понятие «симбиоз», которое используется для характеристики особого типа отношений, меняющего реальность одного из своих членов [\[11, с. 63\]](#). Симбиоз возможен не только между организмами, но и между людьми, технологиями, природными явлениями и абстрактными сущностями. Симбиотические связи выражают нетривиальные моменты в «жизни» объекта, которые порождают гибридные формы его существования. По мысли Г. Хармана: «Чтобы понять социальные объекты, нужно искать их симбиозы» [\[11, с. 137\]](#).

Концепция симбиоза в ОOO – это не метафора, а способ мыслить связи между объектами без их редукции к чему-то одному, подчёркивая сложность, взаимозависимость, но в то же время автономность объектов. История объекта определяется (но не исчерпывается) его симбиозами, асимметричными отношениями, которые характеризуют связи между объектами. «Буквализация симбиозов» [\[11, с. 143\]](#) (например, редукция человека к социальным ролям, природы – к ресурсам), по мысли Г. Хармана, приводит к метафизическому «упадку» объектов. Мы уже отмечали, что объекты в рамках ОOO нельзя редуцировать к своим взаимодействиям (стратегия «надрыва»). «Буквализация симбиоза» представляет собой попытку свести объект к его связям и представить его исключительно как продукт взаимодействия. Например, сказать, что «человек – это набор социальных отношений», значит исказить реальное положение дел, редуцировать человека до его внешних связей.

Искусство и метафора, по мысли А. Ноэ и Г. Хармана, лучше передают природу объектов, чем буквальные объяснения. Объекты в рамках ОOO «изъяты», «замкнуты» (недоступны для полного познания), не могут раскрыть свою сущность, но взаимодействуют с человеком через свои эстетические эффекты. Объект не эквивалентен сумме своих качеств, так как, по мысли Г. Хармана, «качества любого объекта каждое мгновение изменяются в зависимости от солнечного света, от расстояния и угла нашего приближения к объекту, не говоря уже о мельчайших переменах нашего настроения в процессе восприятия» [\[12, с. 145\]](#). Так, в рамках ОOO человек никогда не воспринимает дерево (или, например, картину) как оно есть в действительности. Дерево оказывается доступным нам во фрагменте, только через свою видимую текстуру, форму, плотность, иначе говоря, через эстетический опыт.

В своей работе «Объектно-ориентированная онтология: новая теория всего» Г. Харман посвящает эстетике отдельную главу, называя её «корнем всякой философии»,

источником «внутренней жизни вещей» [12, с. 61]. Для Г. Хармана эстетика получает статус онтологического принципа, способа, которым объекты вступают в отношения, оставаясь скрытыми. В своей работе А. Ноэ также стремится исследовать эстетический потенциал повседневности, рассматривает эстетику как когнитивную практику «достижения объекта» [3, с. 149], способ «увидеть», навести фокус на сущее. По мысли А. Ноэ: «Проблема эстетична, когда все её элементы находятся здесь, перед вами, открыты для обозрения, и всё же вы не понимаете, как они сочетаются, вы не можете увидеть, как они существуют вместе» [3, с. 274].

С новым материализмом и ООО философскую позицию А. Ноэ объединяет отказ от исключительности человеческой перспективы, критика антропоцентрического канона. «Тентакулярность» Д. Харауэй и «симбиозы» Г. Хармана подчёркивают необходимость признания агентности не только человека, но и разного рода нечеловеческих существ и даже объектов. Признание «переплетённости» человека с миром предполагает сдержанное переосмысление антропоцентрического канона, но без растворения субъекта в «тентакулярных сетях».

Методологическая позиция А. Ноэ формируется через синтез философского и научного знания. Отдавая должное объектам, А. Ноэ придерживается энактивистской эпистемологической позиции, отрицая возможность незаинтересованного познания. Энактивистский подход, (восходящий к работам У. Матураны и Ф. Варела), переосмысляет природу познания, утверждая, что сознание существует как динамический процесс взаимодействия целостного организма со средой. В работе «Древо познания» У. Матурана и Ф. Варела, отмечают, что «всякое действие есть познание, всякое познание есть действие» [13, с. 23]. По мысли Е. Н. Князевой энактивизм возвращает эпистемологию к истокам, в которых субъект оказывается слит с миром, не отделен от него, а его восприятия являются телесными [14, с. 72]. Эпистемологическая позиция энактивизма позволяет рассмотреть разум как динамическую систему, зафиксировать эвристическую ценность феноменологического понимания субъектности. Как отмечает С. В. Борисов в рамках энактивизма «автономные агенты создают свои собственные когнитивные области, что позволяет наделять информацию новыми смыслами» [15, с. 7].

Философская позиция А. Ноэ по оценкам исследователей (например, Е. Н. Князевой) носит характер «радикального энактивизма» [16, с. 91]. Разум в контексте такого рода энактивистской позиции определяется не только физиологическими и неврологическими процессами, но и включенностью в окружающую действительность. Человек оказывается буквально «окутан» окружающей средой [17, с. 102]. Так, взаимодействие матери и младенца в процессе грудного вскармливания является иллюстрацией этого тезиса. В этом процессе два автономных объекта оказываются связанными друг с другом, формируя симбиотические отношения [18, с. 4-5].

Вслед за энактивистами А. Ноэ подчеркивает активную роль тела в конструировании познавательного опыта. Тело задаёт нашу первичную организацию и ориентирует нас определённым образом по отношению к действительности. Иметь тело — значит уже выступать в определённой позиции по отношению к сущему. Тело не инвариантно, представляя собой конструкт, который возникает как отклик на действительность, присутствие других вещей и, конечно же, людей. И в этом смысле тело также оказывается «переплетено» с вещами, другими людьми, разного рода организациями. Потеря части окружающей среды (в которую «вплетена» активность человека) означает

потерю самого себя [\[17, с. 51\]](#).

Если классическая теория познания стремилась найти универсальные основания достоверного знания, то А. Ноэ вслед за поздним Э. Гуссерлем и М. Мерло-Понти смещает акцент на сформированность познания в конкретных телесно-средовых взаимодействиях. Оппозиция субъекта и объекта познания заменяется у А. Ноэ моделью своего рода «перцептивного союза», где границы между познающим и познаваемым оказываются размытыми (что особенно явно проявляется в его анализе искусства). Энактивистский подход А. Ноэ критикует не только репрезентационализм классической эпистемологии, но и ее индивидуализм, демонстрируя, что познание всегда опосредовано действием.

Для конкретизации своих представлений о «переплетении» А. Ноэ использует такие понятия, как «привычка», «стиль» и «эстетика». Первичный уровень организации человеческой жизни А. Ноэ называет привычкой [\[3, с. 31\]](#). Привычка — это способы, которыми мы организуемся, однозначная перспектива, которая стимулирует нас занять по отношению к действительности определённую позицию (в телесном, перцептивном и сугубо когнитивном смысле). По мысли А. Ноэ: «То, что мы организованы, то, что люди и все живые существа по своей природе управляемы ситуацией и привычками — повсеместное и неизменное условие существования человека» [\[3, с. 54\]](#). Однако по мысли А. М. Корбута привычка всё же не является проявлением автоматизма, машинальной практики, представляя собой «расширение нашего внимания к миру и нашей способности упорядочивать его» [\[19, с. 25-26\]](#). Как замечает А. Бертинетто привычку следует рассматривать как условие возможности для последующего эстетического опыта [\[20, с. 74\]](#).

Человека А. Ноэ определяет не как существо привычки, а как существо стиля [\[3, с. 205\]](#), полагая, что мы никогда не овладеваем способами деятельности одинаково. Стиль — суть организующий принцип, представляющий собой наш уникальный способ бытия в мире, который задаёт горизонт и размерность открывающейся для нас действительности. По словам А. Ноэ: «Стилем мы называем наши меняющиеся, развивающиеся и всё же отличительные манеры существования в мире» [\[3, с. 205\]](#). Стиль тесно связан с самоидентификацией и воспроизводится в деятельности (как в перцептивной, так и социальной) и выводит нас за пределы требований привычки.

Откуда по мнению А. Ноэ берутся привычки? Всё многообразие вещного мира культуры (включая инструменты и технологии) можно рассматривать как источники нашей самоорганизации, навязывающие нам привычки и способы поведения. Как полагает Б. Вуард: «Природа — это одновременно продуктивность и бесконечный набор продуктов, ответственных за порождение способности людей, а также их способность мыслить» [\[21, с. 47\]](#). В психологии восприятия используется термин «аффорданс» (Д. Гибсон), который обозначает свойство предмета или объекта окружающей среды, позволяющее использовать его определённым образом. Предмет словно «приглашает» нас к своему использованию, «подсказывает» своё назначение. Инструменты буквально «требуют» от нас новых привычек. Как замечает А. Ноэ: «История технологий — это история новых способов человеческого бытия и становления новых способов организации» [\[3, с. 33\]](#). Инструменты встраиваются в наш телесный опыт, меняют наше понимание способов взаимодействия с действительностью. В этом смысле, например, молоток — не просто инструмент, а «соучастник» действия. Он не только даёт возможность забивать гвозди, но и трансформирует тело (через движение), сознание (через понимание цели

деятельности) и культуру (через формирование традиции, например, строительства).

Использование технологий, с одной стороны, расширяет нашу телесную организацию (о чём говорил ещё Э. Капп в рамках принципа «органопроекции»), с другой стороны — локализует её. Инструменты навязывают нам привычки: определённые способы взаимодействия с действительностью, соответствующий набор автоматизмов. Однако, по мысли А. Ноэ: «Какими бы привычками мы ни обладали, мы никогда не становимся настоящими автоматами или машинами» [\[3, с. 36\]](#). Даже если человека рассматривать как сложный, организованный механизм (например, как делал это Ж. Ламетри), в котором каждая часть имеет свою функцию, человек возникает только в рамках социокультурного пространства, путём «сопротивления» тем способам, которым мы оказываемся организованными. Это сопротивление проявляется в нашей способности к рефлексии (то, что А. Ноэ называет «рефлексивным сопротивлением» [\[3, с. 35\]](#)).

В отличие от машины, которая функционирует в строго заданных параметрах, человек способен нарушать логику своей «программы», переосмысливать собственные автоматизмы (в том числе в рамках мышления). Привычки нашего тела меняются под воздействием технологий, однако рефлексия над этими автоматизмами приводит к реорганизации. Так, при езде на велосипеде мы не задумываемся над тем, как крутить педали, однако стоит нам начать размышлять над тем, какую ногу нам нужно двигать, мы начинаем чувствовать затруднение, поскольку происходит реорганизация навыка. В этом смысле человек создал велосипед и педали, а они, в свою очередь, создают особую манеру езды. В результате мы получаем факт органической связи человеческого тела, технологического объекта и приобретённого навыка. Получается, что велосипед как артефакт не просто служит человеку — он перестраивает саму телесность, формируя новые нейромышечные связи и паттерны движения. Можно сказать, что велосипед «превращает» ноги в «педали», а педали — в «продолжение тела». В результате технология становится «соавтором» телесного опыта.

Человек способен действовать вопреки сложившимся рациональным схемам, логике использования инструмента. Более того, человек не только адаптируется к среде (что характерно для всего живого), но и стремится к пересозданию условий своего бытия. Философию и искусство А. Ноэ позиционирует как «реорганизующие практики» [\[3, с. 148\]](#), освобождающие нас от привычных паттернов поведения, способов, которыми мы себя упорядочиваем. Эта мысль углубляется в работе С. Маренхольц, принимая форму целого ряда тезисов. В частности С. Маренхольц, подчеркивает, что искусство — это «инструмент самопреобразования субъекта» [\[22, с. 749\]](#), а «эстетическое мышление» — выход за границы дескриптивного анализа, своего рода форма «перевода» [\[22, с. 750\]](#).

Философские проблемы вне зависимости от их содержания рассматриваются как эстетические возможности, которые дают нам новую перспективу для фокусировки нашей оптики (как перцептивной, так и сугубо интеллектуальной). Эта мысль отчасти сближается с позицией Г. Хармана, который называет философию и искусство формами познания, а не формами знания [\[12, с. 162\]](#). Ценность искусства и философии состоит в том, что, по словам А. Ноэ, они стремятся оставаться «непрояснёнными» [\[3, с. 311\]](#), не стремятся к однозначности.

Такие явления, как танец, письмо, рассматриваются А. Ноэ как «феномены переплетения». Разница между техникой танца и танцем как искусством видится как значимая эстетическая проблема. Танец и тело являются «местом связи» врождённого

инстинкта тела к движению и идеи того, каким должно быть движение, как оно должно выглядеть и ощущаться [\[3, с. 40\]](#). При всём при этом, любой танец — это не только движение и мышечное напряжение (хотя и они, безусловно, тоже), но и форма самопрезентации, рефлексия, подчинённая ритму, эстетике, культурному коду.

Переплетение затрагивает не только телесные практики, но и наш перцептивный, зрительный опыт. В рамках обыденного мышления мы привыкли рассматривать понятия «видения» и «смотрения» как синонимы. По мысли А. Ноэ: «Изобразительность формирует наше отношение к визуальным наблюдениям» [\[3, с. 68\]](#). Получается, что «смотрение» пассивно, а «видение» активно, представляя собой культурный и смысловой акт. Как отмечает Г. Харман, эстетический акт — это всегда «раскол» между реальным объектом и тем, что мы называем чувственными качествами [\[12, с. 145\]](#). В этом смысле, исторически сложившиеся системы изображения упорядочивают способы смотрения на вещи, формируют эпистемологические паттерны (то, что А. Ноэ называет «стили видения») того, что мы считаем «естественным» взглядом. Визуальная культура для А. Ноэ — это, прежде всего, изобразительная культура [\[3, с. 107\]](#).

Оптический массив окружающей среды всегда организован множеством факторов. С одной стороны, стимуляция фоторецепторов светом является необходимым условием зрительного восприятия. Глаз — это биологическое устройство, своего рода «камера-обскура», ориентированная на определённый оптический диапазон. С другой стороны, образ на сетчатке не является изображением, на него нельзя смотреть как на картинку. Иначе говоря, с точки зрения биологической организации нашего тела, мы не смотрим на мир как на портрет или фотоизображение. Феноменология зрительного опыта не изобразительна, мы видим не глазами, а через глаза. Это предполагает, что смотреть (иметь перцептивное переживание) и видеть (получать эстетический опыт) — не одно и то же. Акт «переплетения» состоит в том, что процесс «видения» трансформирует перцептивный опыт, в котором эстетический наблюдатель «заменяет» реальный объект. Как подмечает К. А. Свасьян: «Каждый новый предмет, хорошо увиденный, открывает в нас новый орган» [\[23, с. 171\]](#). Когда эстетический наблюдатель «заменяет» реальный объект, происходит не искажение реальности, а рождение новой онтологии — объекта, существующего только во взаимодействии с воспринимающим сознанием.

Перцептивные особенности зрительного восприятия («смотрение») А. Ноэ относит к уровню привычки [\[3, с. 140\]](#), в котором отсутствует эстетическое измерение. Вместе с тем как замечает А. Бертинетто многократное повторение паттернов восприятия (включая, визуальные, тактильные, вкусовые) способствует оформлению перцептивных привычек, которые в свою очередь оказываются условием возможности для будущего эстетического опыта [\[20, с. 67\]](#). Эстетический опыт («видение») требует фокусировки, усилия по «пересборке» нашего восприятия, чтобы навести фокус на мир, реорганизовать его. Искусство (впрочем, как и философия) требует от нас выйти «за пределы привычных, укоренившихся способов смотреть, думать, действовать и вообще быть» [\[3, с. 145\]](#). Можно сказать, что искусство и философия освобождают нас от границ того, как мы себя организуем, находим себя. Как подмечает А. Ноэ, «мы не фиксированы, не стабильны, не определены и неизвестны; сам акт попытки навести фокус на себя, своё сознание, свой мир реорганизует и меняет нас» [\[3, с. 137\]](#).

Зрение — явление эстетическое и историческое, оно пересоздаётся, реорганизуется (и мы вместе с ним) в результате появления новых форм изобразительности. Видение определяется пониманием, стилем, присущими культуре визуальными практиками. В

византийской и древнерусской иконописи обратная перспектива обращалась к миру горнему, выражала иную концепцию пространства, что требовало реорганизации оптики человека. Ренессансная линейная перспектива приучила нас видеть мир через призму центральной точки. В этом смысле обратная перспектива честнее, поскольку она требует реорганизации (нашего зрения), демонстрирует условность искусства и зрения, делает акцент на когнитивном, эстетическом, молитвенном опыте.

Стилистические вариации зрения представляют собой эстетическую проблему. Физика и биология видения, процессы формирования перцептивного опыта универсальны, но субъективное переживание действительности определяется стилистическими различиями, эстетическими особенностями восприятия. Кроме того, искусство раз за разом бросает вызов сложившимся изобразительным практикам. Такие направления в живописи, как пуантилизм, импрессионизм, абстракционизм, предлагают нам новые формы организации нашей оптики, а значит, и способы организации эстетического опыта.

Человеческая деятельность, восприятие и мышление в концепции А. Ноэ изначально взаимосвязаны с окружающей средой, технологиями, культурными нормами и биологическими факторами. Само «переплетение» создаёт «материал» для реорганизации, так как любая устоявшаяся структура (привычка, норма, перцептивный шаблон) может быть подвергнута сомнению, рефлексии и изменена. Философия и искусство суть «реорганизующие практики», которые, с одной стороны, дезорганизуют (разрушают привычные паттерны мышления и восприятия), а с другой — создают новые варианты организации. Даже рефлексия и творчество — формы «реорганизующих практик» — возможны только благодаря внешним структурам (языку, технологиям, культурным нормам). Зрительное восприятие — это не пассивный приём информации, а активный процесс, переплётённый с историей искусства и особенностями нашего тела.

В результате философия и искусство в концепции А. Ноэ оказываются не только практиками реорганизации нашего опыта, но и оптикой познания многообразия. Во-первых, философия и искусство позволяют выявить те скрытые взаимосвязи между телом, сознанием и окружающим миром, которые остаются незаметными в повседневном автоматизированном (в рамках привычки) опыте. Во-вторых, если обыденное познание принимает факт органической связи человека и мира как данность, то философская рефлексия и художественная практика делают её предметом осознанного исследования. В-третьих, искусство выступает не просто иллюстрацией факта «переплётённости», а её непосредственным воплощением, поскольку в акте творчества материальные и идеальные элементы сливаются в единый процесс. В-четвёртых, философия, в свою очередь, предлагает концептуальные инструменты для анализа этого феномена, преодолевая традиционные дуализмы и показывая, как философские категории сами являются продуктами исторически сложившихся «переплетений».

Важно отметить, что в своей работе А. Ноэ неоднократно обращается к размышлениям Э. Гуссерля и М. Мерло-Понти, что демонстрирует глубокую связь представленной концепции А. Ноэ с феноменологической традицией. Однако, если Э. Гуссерль понимал сознание как «сознание о» (любое сознание есть сознание о чём-либо), направленное на объект, то А. Ноэ радикализирует этот тезис, показывая, что само восприятие объекта возможно лишь благодаря взаимосвязи телесных навыков и социокультурных посредников. Подобно М. Мерло-Понти, исследующему «плоть мира»[\[24, с. 2021\]](#), А. Ноэ акцентирует воплощённый характер опыта, но идёт дальше, включая в анализ не только биологическое тело. Если Э. Гуссерль стремился к «чистому» описанию феноменов

сознания, то А. Ноэ сохраняя феноменологическую установку на анализ непосредственного опыта, отвергает саму возможность такой чистоты, демонстрируя, что любое восприятие уже опосредовано исторически сложившимися практиками. Можно сказать, что, сохраняя феноменологическую чувствительность к опыту, А. Ноэ предлагает «феноменологию второго порядка» — анализ того, как сами условия возможности нашего восприятия оказываются продуктом динамичных переплетений.

Обращает внимание также, что концепция А. Ноэ обнаруживает связь с традицией философии прагматизма, через признание тезиса об инструментальности мышления. Подобно прагматизму, Э. Ноэ рассматривает сознание не как зеркало реальности, а как инструмент взаимодействия со средой, где познание возникает из практического опыта «делания». Критика А. Ноэ картезианского дуализма продолжает линию прагматистского отказа от противопоставления субъекта и объекта. Можно также сказать, что установка прагматизма на решение конкретных проблем через эксперимент А. Ноэ принимает форму «реорганизующих практик», где философия и искусство становятся способами экспериментального исследования границ и возможностей человеческого опыта.

Философская концепция А. Ноэ особое внимание уделяет конкретному человеческому опыту (телесному, перцептивному когнитивному и т.д.), что сближает его позицию с рецепциями философии экзистенциализма. Однако если экзистенциализм подчёркивает абсурдность и конечность человеческого бытия, то А. Ноэ, сохранив пафос хрупкости опыта, смещает акцент на его принципиальную открытость и трансформируемость через практики искусства и философии. Критика А. Ноэ представлений о стабильном «Я» перекликается с экзистенциалистским отрицанием субстанциального субъекта, но идёт дальше, показывая, что наша идентичность — это не столько «проект» (как у Ж. П. Сартра), сколько перманентный процесс «пересборки» («реорганизации») в контакте с материальными и культурными средами.

Философские рассуждения, представленные в работе А. Ноэ не стремится принять форму законченной философии, политического манифеста или основания для экологического дискурса. Автору чужд схематизм и буквализм, А. Ноэ не стремится к концептуальной однозначности. Вместе с тем его позицию нельзя назвать радикальной. В отличие от нового материализма, растворяющего человеческое в «компостной куче» нечеловеческих акторов, А. Ноэ сохраняет пространство для человеческой рефлексии и эстетической активности. В противовес ОOO, где объекты оказываются замкнуты в своей автономии, философия А. Ноэ показывает, как человек и мир взаимопроникают через практики восприятия и действия, через нарушение перцептивных автоматизмов (искусство) или «пересборку» понятий (философская рефлексия). Философская позиция А. Ноэ также сознательно дистанцируется от этических вопросов, от статуса политического манифеста. В отличие от радикальных позиций нового материализма, А. Ноэ избегает прямых идеологических заявлений и программных призывов, сосредотачиваясь преимущественно на эпистемологических и эстетических вопросах. Отдельно стоит отметить, что представления А. Ноэ хоть и связаны с экологическим дискурсом (через идеи холистического видения мира и энактивистской позиции), но всё же выходят за его границы.

Вместе с тем на основании представленной концепции можно сделать определенные выводы об политической и этической нагруженности аргументации, представленной в работе. Во-первых, в экологической сфере концепция А. Ноэ способствует переосмыслению антропоцентрических моделей. В ракурсе философской позиции А. Ноэ экологический кризис — это не просто «проблема окружающей среды», а симптом разрыва в единой системе человеко-природно-технологических связей. Во-вторых, в

технологической области концепция ставит под сомнение нарративы о нейтральности технологий. В-третьих, в контексте постгуманистических дискуссий «переплетённость» предлагает альтернативу как радикальному антигуманизму (где человек растворяется в «компостной куче»), так и традиционному гуманизму. В-четвертых, этически представленная концепция А. Ноэ требует перехода от морали индивидуального выбора к этике коллективов, где забота распространяется на всю сеть взаимосвязей — от цифровых акторов до биологических видов.

Представленная в работе А. Ноэ концепция носит междисциплинарный характер и затрагивает проблемы онтологии, эпистемологии и аксиологии. Философская позиция А. Ноэ позволяет уточнить природу опыта (в том числе эстетического), субъектности, онтологический и эпистемологический статус разума и искусственного интеллекта [\[25, с. 174\]](#). Как замечает С. В. Комаров, «история западной философии демонстрирует трансформацию представлений о субъекте и субъективности, в результате которой понимание субъективности развивается от субстанциальных трактовок сознания к конкретному присутствию в наличной ситуации, от абсолютности "я мыслю" к множественности и плюралистичности "я"» [\[26, с. 714\]](#). В этом смысле А. Ноэ продолжает линию, идущую от феноменологии (в частности, от М. Мерло-Понти), которая подчёркивает значимость индивидуального опыта, «воплощённый характер познания» (*embodied cognition*). Субъективность у А. Ноэ не предшествует опыту, а возникает в самом процессе «переплетения» с миром. Концепция переплетённости А. Ноэ оказывается также связанной с теориями коллективной интенциональности, представленными в работах Дж. Серля и М. Гилберта. Однако если Дж. Серль и М. Гилберт фокусируются на межличностных аспектах интенциональности, то А. Ноэ рассматривает её как часть более широкой сети взаимозависимостей, включающей также и нечеловеческие элементы.

Философская позиция А. Ноэ выходит за границы абстрактной теории и может быть рассмотрена как методология решения прикладных задач, в частности проектирования и дизайна антропотехнических систем. По мысли А. Ноэ «искусство и дизайн — это разные миры. И все же нет искусства без дизайна. Можно сказать, что искусство — это реакция на дизайн, попытка нарушить его определенность и ввести в игру то, что в нем оказывается неизменным. В конце концов, искусство делает искусство из дизайна, то есть из наших встроенных, ориентированных на функцию жизней. Но искусство влияет также и на то, как выглядит дизайн, и даже формирует воображение и самосознание дизайнеров [\[3, с. 287\]](#). Практическая ценность концепции «переплетённости» также заключается в её способности служить междисциплинарным мостом, предлагая язык для описания и проектирования сложных взаимодействий в мире, где более невозможны чёткие границы между биологическим, технологическим и социальным. Например, в дизайне технологий этот подход способствует переосмыслению принципов человеко-машинного взаимодействия.

Представленная философская позиция в работе А. Ноэ оставляет неоднозначное впечатление. Философская концепция А. Ноэ — пример современной философии в духе «новых онтологий» со всеми её достоинствами и недостатками. Обилие метафор, иносказаний, повторений оставляет впечатление её эклектичности и поверхностности. Вместе с тем метафоричность представленной концепции может быть рассмотрена не как слабость, а как попытка найти новые формы философствования, адекватные сложности современного мира. Можно не признавать философскую значимость позиции А. Ноэ, рассматривать её как признак деградации философского знания. Однако даже в этом

случае размышления А. Ноэ заслуживают внимания. Вне зависимости от оценки их философской ценности они находятся в русле актуальных трендов современных философских исследований, фиксируя сдвиг в понимании человеческой субъектности, кризиса антропоцентрического мировоззрения.

Подводя итоги, отметим, что на первый взгляд, представленное исследование А. Ноэ опирается на интуитивно понятную мысль о том, что всё в этом мире оказывается определённым образом связано и организовано. И в этом смысле здесь не может быть ничего нового. Трудно поспорить с тем, что человеческая жизнь (как и жизнь в целом) структурирована, упорядочена и подчинена целому ряду правил. Однако мы полагаем, что факт «переплетения» в интерпретации А. Ноэ выходит за границы утверждения, что всё «связано», «детерминировано», «организовано» и т.д.

Философские взгляды А. Ноэ сближаются с Г. Харманом в трактовке эстетики как «корня философии». Вместе с тем концепция А. Ноэ не претендует на «вскрытие» онтологических горизонтов (как делает это ООО), а скорее предлагает нам проект эстетизации нашего взгляда. Факт «переплетённости» у А. Ноэ — это не просто констатация сложных динамических связей (в духе кибернетики, синергетики и или методологии сложностно-сетевого мышления), а призыв к рефлексивному переосмыслению того, как мы организуем и воспринимаем мир. «Наш опыт всегда эстетический» [3, с. 311] — отмечает А. Ноэ, а «эстетическое переживание» суть постоянно меняющийся фокус, который наше сознание наводит на сущее, впрочем, никогда не достигая его в том, каково оно есть. В результате, как подмечает П. Гайер (P. Guyer), размышления А. Ноэ принимают формы «эстетического когнитивизма» [27, с. 234]. Эстетический взгляд на действительность видится как акт реорганизации и рефлексивного сопротивления структурам, которые навязывают нам определённые привычки, оптические перспективы и модели поведения.

В завершении отметим, что «переплетённость» в контексте размышлений А. Ноэ принимает формы фундаментальной метафоры, описывающей взаимопроникающую связь между человеком, его деятельностью и миром, где границы между субъектом и объектом, природой и культурой, биологическим и технологическим оказываются динамичными и взаимозависимыми. Понятие «переплетённость» рассматривается А. Ноэ до конца не артикулируемым, что осложняет достижение концептуальной ясности и понимание перспектив использования данного понятия. Однако, нам представляется, что при всей метафоричности и неоднозначности философская позиция А. Ноэ всё же заслуживает внимания и имеет эвристическую ценность для понимания актуальных трендов в области современной философии.

Библиография

1. Богданов А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн. 1. Редкол. Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др./ Отделение экономики АН СССР. Ин-т экономики СССР. – М.: Экономика, 1989. – 304 с.
2. Oxford Russian Dictionary: Russian-English, English-Russian / Ed. M. Wheeler, Ed. B. Unbegau, Ed. P. Falla. – Third edition. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 1290 p.
3. Ноэ А. Всё переплетено. Как искусство и философия делают нас такими, какие мы есть / Альва Ноэ; перевод с английского В. В. Федюшина. – Москва: Издательство ACT, 2023. – 320 с.
4. Харауэй Д. Оставаясь со смутой: заводить сородичей в хтулуцене / пер. с англ. Д. Я. Хамис, П. А. Хановой, А. А. Писарева. – Пермь: Hyle Press, 2020. – 340 с.
5. Haraway D. J. The companion species manifesto: Dogs, people, and significant

- otherness. – Chicago: Prickly Paradigm Press, 2003. – 112 p.
6. Мортон Т. Гиперобъекты: философия и экология после конца света. – Пермь: Гилепресс, 2018. – 284 с.
7. Брайант Л. Р. Демократия объектов / пер. с англ. О. С. Мышкина. – Пермь: Гиле Пресс, 2019. – 320 с.
8. Мардер М. Растительное мышление. Философия вегетативной жизни / М. Мардер ; пер. с англ. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2024. – 240 с.
9. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970-2000 / Под ред. К. Дипвелл, Л. Бредихиной. – М.: Россспэн, 2005. – С. 322-377.
10. Ополев П.В. Проблема отражения сложности культуры в перспективе построения объектно-ориентированной онтологии // Философская мысль. 2024. № 8. С. 53-69. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.8.71585 EDN: LBYGZR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71585
11. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория / Г. Харман; пер. с англ. А. Писарева. – М.: Издательство Института Гайдара, 2018. – 152 с.
12. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая "теория всего": пер. с англ. М. Фетисов. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. – 272 с.
13. Матурана У. Р., Варела Ф. Х. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
14. Князева, Е. Н. Понятие *Umwelt* Я. Фон Искюля и перспективы экологической мысли // Вестник Международной академии наук (Русская секция) (Электронный ресурс). – 2014. – № 1. – С. 68-74. EDN: STWODX.
15. Борисов, С. В. Энактивистский подход как выход из "ловушки когнитивизма": реабилитация субъектности // Философия науки и техники. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 7-19. DOI: 10.21146/2413-9084-2024-29-1-7-19. EDN: LSUZSV.
16. Князева Е. Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии // Вопросы философии. – 2013. – № 10. – С. 91-104. EDN: REIGYZ.
17. Noë A. *Out of our Heads: Why You are Not Your Brain, and Other Lessons from the Biology of Cognition*. – Farrar, Straus & Giroux, 2010. – 232 p.
18. Noë A. *Varieties of Presence*. – Harvard University Press, Cambridge, 2012. – 188 p.
19. Корбут, А. М. Привычка как точильный камень феноменологии / А. М. Корбут // Социология власти. – 2014. – № 1. – С. 10-30. EDN: SIWAQF.
20. Bertinetto A. *Habits and Aesthetic Experience* // *Aisthesis*. – 2024. – 17(1). – Р. 61-77.
21. Вуард Б. Мысление вопреки природе: природа, идеация и реализм между Лавкрафтом и Шеллингом // Логос. – 2022. – Т. 32, № 2. – С. 43-64. DOI: 10.22394/0869-5377-2022-2-43-63. EDN: XFXIUU.
22. Mahrenholz S. *Künste als Technologien der Selbst-Transformation* // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. – 2023. – Vol. 71 (5). – P. 731-751. DOI: 10.1515/dzph-2023-0056. EDN: FHRXYX.
23. Свасьян К. А. Философское мировоззрение Гете. – М.: Evidentis, 2001. – 225 с.
24. Мерло-Понти, М. Видимое и невидимое / пер. с фр. О. Н. Шпарага. – Минск: Логвинов, 2006. – 400 с.
25. Grève S. S. *The Biological Objection against Strong AI* // *Inquiry*. – 2025. – P. 1-25. DOI: 10.1080/0020174X.2025.2465369.
26. Комаров С. В. Метафизика и феноменология субъективности: исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания / С. В. Комаров. – СПб.: Алетейя, 2007. – 736 с. EDN: SFCVML.
27. Guyer P. Alva Noë, Strange Tools: Art and Human Nature // Philosophy and Phenomenological Research. – 2017. – № 94 (1). – Р. 230-237.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена анализу и реконструкции концепции "переплетённости" (entanglement) в философии современного американского философа Альвы Ноэ, представленной в его работе "Всё переплетено. Как искусство и философия делают нас такими, какие мы есть". Автор исследует фундаментальную метафору "переплетённости" как способ описания взаимопроникающих связей между человеком, его деятельностью и миром, где границы между субъектом и объектом, природой и культурой, биологическим и технологическим оказываются динамичными и взаимозависимыми.

Методология исследования

Исследование опирается на методологию компаративного анализа, контекстуализации и герменевтической интерпретации. Автор реконструирует концепцию "переплетённости" А. Ноэ через обращение к родственным концепциям в рамках нового материализма (Д. Харауэй) и объектно-ориентированной онтологии (Г. Харман, Л. Брайант, Т. Мортон). Такой методологический ракурс позволяет выявить связи между идеями Ноэ и современными постгуманистическими онтологиями, а также определить специфику его философской позиции. Автор проводит анализ ключевых понятий ("привычка", "стиль", "эстетика") в философии Ноэ, демонстрируя их взаимосвязь в контексте концепции переплетённости.

Актуальность

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, философия А. Ноэ еще слабо изучена в отечественной философской традиции, что делает данную работу ценным вкладом в расширение исследовательского поля. Во-вторых, концепция "переплетённости" имеет значительный потенциал для осмыслиния современных социокультурных процессов, технологий и экологических вызовов. В-третьих, исследование вписывается в актуальный тренд переосмысливания классических философских дилемм (природа/культура, субъект/объект), что делает его релевантным для современного философского дискурса.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в систематической реконструкции и анализе концепции "переплетённости" А. Ноэ, которая до сих пор не получила должного освещения в отечественной философской литературе. Автор не только представляет основные положения философии Ноэ, но и помещает их в более широкий контекст современных философских течений, выявляя как точки схождения, так и различия между ними. Новаторским является рассмотрение концепции "переплетённости" в качестве продуктивной альтернативы как крайностям антропоцентризма, так и формам радикального антигуманизма.

Стиль, структура, содержание

Статья написана хорошим академическим языком, демонстрирующим глубокое знание предмета исследования. Структура работы логична и последовательна. Автор начинает с обоснования своего методологического подхода, затем переходит к компаративному

анализу концепции Ноэ с идеями нового материализма и ООО, после чего детально раскрывает ключевые аспекты философии "переплетённости" через анализ понятий "привычка", "стиль" и "эстетика".

Содержание статьи отличается глубиной анализа и стремлением к многостороннему рассмотрению концепции Ноэ. Особенno ценным представляется анализ трактовки Ноэ эстетического опыта и искусства как "реорганизующих практик", а также рассмотрение проблемы "видения" и "смотрения" в контексте переплетения биологических и культурных факторов.

Положительным качеством работы является и то, что автор не только излагает взгляды Ноэ, но и критически их осмысливает, отмечая как сильные, так и проблемные аспекты его концепции.

Библиография

Библиография статьи достаточно репрезентативна и включает 15 источников, среди которых работы как на русском, так и на английском языках. В список литературы входят как первоисточники (работы А. Ноэ, Д. Харауэй, Г. Хармана, Л. Брайанта, Т. Мортона), так и исследовательская литература по теме. Библиографическая база свидетельствует о хорошем знании автором современной философской литературы в области новых онтологий и постгуманистических исследований.

Апелляция к оппонентам

Автор статьи демонстрирует критическое отношение к рассматриваемой концепции и вступает в диалог с потенциальными оппонентами. В частности, он указывает на то, что философскую позицию А. Ноэ можно рассматривать как "экlecticную и поверхностную" из-за обилия метафор и иносказаний. Однако автор предлагает альтернативный взгляд, согласно которому метафоричность философии "переплетённости" может быть рассмотрена как попытка найти новые формы философствования, адекватные сложности современного мира.

Автор также отмечает, что концепция Ноэ, в отличие от более радикальных позиций нового материализма и ООО, сохраняет пространство для человеческой субъектности и рефлексии. Это демонстрирует как теоретическую осведомленность автора о возможных критических аргументах, так и его способность занимать взвешенную позицию в дискуссионном поле.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы статьи логично вытекают из предшествующего анализа и представляют собой обобщение ключевых аспектов концепции "переплетённости" А. Ноэ. Автор справедливо отмечает, что данная концепция предлагает продуктивную альтернативу как антропоцентризму, так и радикальному антигуманизму, сохраняя пространство для человеческой субъектности в сложноорганизованном мире.

Статья представляет интерес для широкого круга специалистов в области философии сознания, философии искусства, постгуманистических исследований, а также для тех, кто интересуется современными тенденциями в философской мысли. Материал статьи может быть полезен как исследователям, так и преподавателям философии при подготовке курсов по современной философии.

Рекомендации автору

Расширить историко-философский контекст работы, показав связь концепции "переплетённости" А. Ноэ с более ранними философскими традициями (феноменология, прагматизм, экзистенциализм), что позволило бы глубже понять генезис его идей.

Уделить больше внимания критическому анализу методологических оснований концепции А. Ноэ, в частности, его энактивистской позиции и ее отношению к традиционной эпистемологии.

Более четко прояснить политические и этические импликации концепции "переплетённости", особенно в контексте современных дискуссий об экологических проблемах, технологиях и постгуманизме.

Рассмотреть практические приложения концепции "переплетённости" в различных областях (образование, искусство, дизайн технологий), что усилило бы прикладной аспект исследования.

Учитывая сложность и многоаспектность темы, возможно, стоило бы более детально проработать терминологический аппарат, в частности, соотношение понятий "переплетённость", "тентакулярность", "симбиоз" в различных философских традициях.

В целом, статья представляет собой глубокое и оригинальное исследование, вносящее значительный вклад в понимание современной философской мысли. После некоторой доработки в соответствии с предложенными рекомендациями она, безусловно, заслуживает публикации в журнале "Философская мысль".

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья знакомит отечественного читателя с одним из аспектов философской философских взглядов современного американского исследователя А. Ноэ, представленным в концепте «переплетённости». «Концепт» в данном случае было использовано намеренно, очевидно, речь не может идти о «понятии», поскольку большинство описаний указанного аспекта философских взглядов Ноэ носят недостаточно отчётливый характер. В конце статьи автор говорит, что «переплетённость» «принимает формы фундаментальной метафоры», и это, конечно, верно. Однако даже метафоры в философских текстах вынуждены «брать на себя» роль понятий, поэтому в последующих публикациях автору следует уделить внимание решению задачи более точного определения статуса этой метафоры в работах изучаемого им американского исследователя. Статья в целом производит благоприятное впечатление, она может быть интересна широкому кругу читателей. Автор обладает несомненной эрудицией в рассматриваемой области, большая часть оценок производит впечатление основательности, компетентности. Тем не менее, в процессе знакомства с текстом возникает ряд критических замечаний, которые можно обобщить в две группы. Во-первых, характер множества фрагментов вызывает нарекания с точки зрения стилистики научной речи, оправданности использования профессиональных терминов или оборотов обыденного языка. Так, уже в названии мы встречаемся с «философией Э. Ноэ». Нет, мы говорим о философии Декарта, Спинозы, Канта и т.д., в данном случае речь может

идти только о «философских взглядах», «философской позиции» и т.п., максимум – о «философской концепции». Далее, недопустимо часто встречается в тексте «переплетение», «переплетённость»: «...переплетения множества факторов – от биологических до социокультурных. В архаичных, традиционных обществах мы наблюдаем органическое переплетение...»; «Что же такое «переплетённость» в философии А. Ноэ? Переплётённость в философии...». Конечно, можно возразить, что именно об этом «образе-понятии» в статье и идёт речь, и волей-неволей приходится «называть его по имени». Тем не менее, и в этом случае следует искать возможность не нарушать требования стилистики русской речи. Не всегда автор следит и за строгостью соблюдения границ научной речи, допуская в неё откровенно «бытовые» выражения и обороты: «...хоть и отражает задумку...» и т.п. Нет, «хотя и отражает замысел»; в философии «мысль», «идея» только тогда обретает значимость, когда автору удаётся достичь её адекватного и точного выражения. В некоторых случаях неудачно вводятся цитаты: «Как справедливо подмечает отечественный философ А. Богданов...». Снова: в настоящем времени можно говорить в подобных случаях о Платоне или Аристотеле, они уже обрели своё «вечное настоящее», Богданов – величина другого масштаба в мировой философии, как бы внимательно к его трудам ни относиться. И зачем здесь «отечественный»? А если не упомянуть, что он «философ», читатель не сможет понять этого? Одним словом, текст местами производит впечатление неряшлиности, какой-то неосторожности в работе с языком. Во-вторых, много вопросов возникает в связи с тем, что статья представляет собой излишне «камерное» повествование. Да, и «камерные» статьи могут быть полезны, но даже введение «узкой темы» требует привлечения контекста, которого в статье почти нет. Обратим внимание на то, что очень узок круг библиографических источников, кажется, автор не может «вписаться» те идеи, которые ему понравились у американского исследователя, в более широкий круг философских и научных проблем, хотя бы отчасти знакомый читателю по материалам идущих у нас сегодня дискуссий. Отмеченные недостатки не отменяют высказанное выше мнение о достаточно высоком научном уровне представленной на рецензирование статьи, и всё же автору ещё следует поработать над текстом.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает концепция «спутанности» ('entanglement'); автор статьи справедливо указывает на не очень точный перевод данного понятия; добавим к рассуждениям автора ещё и указание на то, что в предисловии к книге сам А. Ноэ объясняет отличие своей трактовки 'entanglement' от принятого в квантовой механике) современного американского философа Алва Ноэ. Учитывая активизировавшиеся в последние годы дискуссии между сторонниками нейронаук, когнитivistских теорий сознания, бихевиоризма, энактивизма и др. подходов к пониманию связи сознания с окружающей средой, актуальность реконструкции концепции одного из ярких представителей энактивизма А. Ноэ, предпринятой автором рецензируемой статьи, следует признать весьма высокой. К сожалению, сам автор ничего не говорит об использованной в исследовании методологии. Но из контекста можно понять, что в процессе работы активно применялись такие философские методы, как концептуальный анализ, элементы герменевтики и деконструкции, а также рефлексивно-критического подхода. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты,

обладающие признаками философской новизны и научной достоверности. Прежде всего, речь идёт самой предпринятой попытке актуализировать в отечественной социогуманитарной мысли концепцию «спутанности» А. Ноэ. Кроме того, автор выявил концептуальные связи «эстетического когнитивизма» А. Ноэ с объектно-ориентированной онтологией Г. Хартмана, Т. Мортона и др. Наконец, определённый интерес представляют выводы автора об эвристических перспективах и ограничениях трактовки «спутанности» А. Ноэ. В структурном плане рецензируемая работа также производит положительное впечатление: несмотря на отсутствие рубрикации (что несколько затрудняет восприятие текста), её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте условно можно выделить следующие разделы: - вводная часть, где формулируется проблема, которой посвящено исследование, и аргументируется её актуальность, но отсутствует описание использованной методологии; - анализ позиций нового материализма и объектно-ориентированной онтологии и последующий сравнительный концептуальный анализ ключевых идей А. Ноэ с представителями указанных направлений философской мысли; - заключительная часть, где резюмируются итоги проведённого исследования, делаются выводы, а также оценивается эвристический потенциал концепции «спутанности» А. Ноэ. Стиль рецензируемой статьи философский и аналитический. В тексте встречается незначительное количество стилистических (например, тавтологии, как в выражении «что особенно явно проявляется в его анализе искусства»; или нарушение параллелизма в предложении «Автор не хочет нас запутать, скорее, показать, что...»; и др.) и грамматических (например, лишняя запятая в предложении «Особенность жизни современного человека, оказывается связанный не только с природными...»; или наоборот, пропущенная запятая в предложении «Здесь возникают такие важные философские вопросы как...»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной и философской терминологии. Библиография насчитывает 27 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при сравнении философских взглядов А. Ноэ с позициями представителей нового материализма и объектно-ориентированной онтологии. К специально оговариваемым достоинствам статьи можно отнести достаточно интересную и актуальную тему, выбранную для исследования, а также хороший уровень философского анализа.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве философской работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для философов, культурологов, специалистов в области когнитивных наук, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Философская мысль». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.